

Единственного повара в этом маленьком дворике звали Гао Мань — низенький, худощавый старичок, который, как и привратник Би, целыми днями улыбался и был неизменно приветлив.

Зная, что сегодня во дворик придёт новичок, дядюшка Гао, помимо курицы, которую особо просил приготовить Сяо Цзян, закупил ещё множество продуктов и накрыл целый стол, чтобы новый друг почувствовал тепло домашнего очага.

Цзян Линь шёл первым, войдя в столовую, за ним по одному вошли трое младших. Когда последним вошёл Бай Чжичжи, вся столовая будто озарилась светом.

Дядюшка Гао радостно произнёс: «Какой хорошенький! Проходи, проходи скорее. Сяо Цзян сказал, что ты любишь курятину, и я специально приготовил для тебя тушёную курицу с луком. Попробуй, понравится ли. Если что любишь покушать — скажи, в другом я хвалиться не стану, но на этой кухне если я назовусь вторым, никто в нашем дворике не осмелится назваться первым!»

Линь Сяоян не удержался и прыснул. В их дворике, кроме дядюшки Гао, никто и готовить-то не умел — максимум лапшу быстрого приготовления заварить.

Юэ Чжихуань похлопала Линь Сяояна, прося его хоть немного уважать дядюшку Гао и не дурачиться.

Цзян Линь усадил всех и сказал Бай Чжичжи: «Скажи дядюшке Гао, что тебе по вкусу, дядюшка Гао готовит довольно неплохо».

Он взял куриную ножку и положил в миску Бай Чжичжи: «Попробуй, понравится ли».

Бай Чжичжи принялся, странного запаха не обнаружил, взял палочки, откусил кусочек, и глаза его засияли. Хотя эта курица не содержала духовной энергии и по качеству не шла ни в какое сравнение с мясом демонических зверей, которое он обычно ел, на вкус она была очень даже неплоха.

И вот, жуя куриную ножку, он прищурился и улыбнулся дядюшке Гао: «Очень вкусно».

Повару всегда приятно видеть, как люди с удовольствием едят, а когда такой хорошенький ребёнок так тепло улыбается, хочется отдать ему всё самое лучшее.

Сидевший рядом Линь Сяоян воскликнул: «Чжичжи, ты умеешь пользоваться палочками!»

Когда тот лис-оборотень, что работает в зоопарке, только попался брату Цзяну, он не умел есть палочками и ел всё руками, прямо сырым. Его долго обучали в главном управлении человеческому поведению, прежде чем выпустили зарабатывать на жизнь.

Бай Чжичжи посмотрел на палочки в своей ладони с недоумением: что такого в том, что он ест палочками? Пусть он и не знает здешней письменности, но он ведь не дикий зверь, пожирающий сырое мясо.

У Юэ наступил Линь Сяояну на ногу: «Ешь давай. После ужина отведи Чжичжи купить телефон, одежду и всё необходимое. Сохрани чеки, я возьмущу».

Бай Чжичжи поднял взгляд: «Ручная курица?»

Он лис, но не настолько же любит курятину. Почему здешние люди всё время хотят накормить

его курицей? На столе ещё осталась, а им уже мало, хотят ещё купить?

Видя, как Бай Чжичжи переводит взгляд с курицы на столе на него, Цзян Линь с улыбкой пояснил: «Не еда, а устройство связи. Потом Линь Сяоян научит тебя пользоваться».

Линь Сяоян сказал: «Позже мы с братом Цзяном уходим».

Юэ Чжихуань подняла руку: «Я свободна! Я могу помочь с покупкой!»

У Юэ сказала: «Хуаньхуань, просто закажи всё в интернете, пусть доставят курьером».

Юэ Чжихуань энергично закивала, явно радуясь возможности помочь.

Бай Чжичжи посмотрел на Цзян Линя: «Я тоже хочу пойти». Он до сих пор не знал, что это за место, и ни за что не остался бы сидеть в этом маленьком дворике.

Цзян Линь не отказал: «Пойти можно, но нельзя убегать и действовать необдуманно. Можешь мне это пообещать?»

Хотя уровень культивации У Юэ был неплох, в доме были и стар, и млад, и оставлять неизвестного лисёнка-оборотня во дворике одного ему не хотелось.

Бай Чжичжи кивнул в знак согласия. Он не будет действовать необдуманно — в конце концов, он не был лисом, который ищет неприятностей.

После еды У Юэ примерно снял с Бай Чжичжи мерки, и Цзян Линь повёл его и Линь Сяояна на выход.

По дороге Линь Сяоян кратко объяснил ситуацию с семьёй Чжоу.

Пострадавший Чжоу Янь страдал тяжёлой бессонницей и утверждал, что за ним приходит призрак. Его семья приглашала даосов и монахов, проводила изгнания, в комнате развесили талисманы — ничего не помогало, состояние только ухудшалось.

Семья Чжоу владела транспортной компанией, дело было обширное, связи большие. Они давно знали о существовании совершенствующихся. Испробовав все средства и видя, что Чжоу Яню ничего не помогает, они через связи обратились в Управление и наняли практика — Линь Сяояна — чтобы он пришёл.

Но, к сожалению, даже после осмотра Линь Сяоян не обнаружил никаких проблем.

Услышав о бедах семьи Чжоу, Бай Чжичжи с любопытством спросил: «А вы, ребята, ещё и обычным людям помогаете?»

В его мире совершенствующиеся и обычные люди существовали порознь. Для обычных людей те, кто шёл по пути культивации и бессмертия, обладали божественными способностями и были почти как небожители. Кроме как при наборе учеников крупными сектами, простые люди редко видели практиков. А если и встречали, то трепетали и благоговели, не смея и мечтать о том, чтобы беспокоить их своими делами.

Цзян Линь сказал: «Мы совершенствующиеся, но мы и обычные люди. Мы живём здесь, и это место стабильно и спокойно, что позволяет нам спокойно культивировать. Кроме ответственности и высшего долга, мы не можем оторваться от обычных людей даже в удовлетворении простых потребностей. Чжичжи, ты вышел из пещерной обители и впредь

будешь жить здесь. Ты можешь не нести ответственности, но и не отстраняйся. Обычные люди, мастера, совершенствующиеся, демоны-практики, птицы и звери, цветы и деревья — все мы вместе составляем этот мир».

Бай Чжичжи ничего не ответил, повернулся и стал смотреть в окно машины. Автомобиль ехал медленно, и он мог ясно видеть прохожих снаружи: мужчины и женщины, старые и молодые, кто-то спешил, кто-то прогуливался неторопливо. Богатые они или нет — неясно, но видно было, что все спокойны — спокойны, как бывает только в сытые и мирные времена.

Этот мир отличался от Цинцю.

Время было не час пик, дорога свободна, и они добрались до дома Чжоу меньше чем за час.

Проблема была с сыном семьи Чжоу. В семье Чжоу было сын и дочь: старший сын Чжоу Янь и младшая дочь Чжоу Цзин. Разница между ними была всего два года, но матери разные.

Возможно, потому что все изначально считали, что дочь не имеет права наследовать компанию, отношения в семье были вполне гармоничными. Мачеха Чжоу Яня, хоть и была более пристрастна к родной дочери, но и к пасынку относилась со всей душой, не обижала.

Теперь, когда Чжоу Янь оказался в таком состоянии, семья испробовала всё, чтобы ему помочь, но, к сожалению, они приглашали уже много мастеров, и никто не мог определить, в чём проблема.

Отец Чжоу Яня, Чжоу Цзимин, утром был дома, но после звонка Линь Сяояна уехал в компанию и ещё не вернулся. Дома остались только мачеха Чжоу Яня, Люй Цинхэ, а также медицинская бригада и охрана, присматривавшая за Чжоу Янем.

Чжоу Янь долгое время не мог нормально спать, его психическое состояние было крайне плохим. Длительное недосыпание приводило к нервным срывам и агрессивному поведению, поэтому и понадобилась охрана, чтобы не дать ему в возбуждении навредить другим или себе.

Линь Сяоян уже описал состояние Чжоу Яня по дороге.

Сначала Чжоу Яню постоянно казалось, что за ним кто-то следит, не только днём, но и дома по ночам он чувствовал, что за ним наблюдают. Тогда и началась бессонница.

Поначалу это была просто бессонница — он ещё мог поспать час-два в день, но не спал всю ночь напролёт, потому что просыпался от ночных кошмаров.

Долгая бессонница постепенно перешла в полную. Он лежал в больнице, перепробовал кучу лекарств, снотворные были совершенно бесполезны. Из-за недостатка сна функции организма начали отказывать, и в больнице даже попытались провести наркозный сон.

Но Чжоу Янь сказал, что наркоз лишь обездвижил его, но не дал настоящего отдыха. Он всё ещё был в сознании, полностью осознавая, что находится во сне, окружён кошмарами, но из-за лекарств не мог проснуться. Это отчаянное желание очнуться и невозможность сделать это заставили его отказаться от повторного наркозного сна.

Раньше он весил 160 цзиней, а теперь в нём осталось чуть больше 100. Если в ближайшее время не найти корень проблемы, Чжоу Янь, возможно, не протянет долго.

Зная, что прибыл начальник команды Линь Сяояна, Люй Цинхэ сказала с надеждой и

душевной болью: «Господин Цзян, сейчас узнать, в чём причина состояния А Яня, не самое важное. Мы просто хотим знать — можете ли вы позволить А Яню хорошо выспаться? Поспать без кошмаров?»

Сейчас самая большая его проблема — невозможность уснуть. Если он не поспит, вопрос не в месяцах — он может не протянуть и нескольких дней.

Цзян Линь сказал: «Давайте сначала поднимемся и посмотрим».

Бай Чжичжи, следовавший за ними, слегка притормозил, повёл носом и нахмурился, будто учуяв что-то неприятное.

Поднимаясь наверх, Линь Сяоян прошептал: «У них дома вроде довольно чисто. Я не заметил никаких аномалий инь-ци. Брат Цзян, ты что-нибудь нашёл?»

Цзян Линь покачал головой. Он тоже не почувствовал здесь инь-ци. И призраки, и злые духи процветают за счёт инь-ци, так что в доме Чжоу, похоже, не было никакой нечисти.

Линь Сяоян повернулся к Бай Чжичжи: «Чжичжи, ты заметил что-нибудь необычное?»

Он лис-оборотень, должен чувствовать острее людей.

Бай Чжичжи спросил: «А что считать необычным?»

Линь Сяоян: «...Зря спросил».

Они втроём поднялись на второй этаж, который был полностью переоборудован под нужды Чжоу Яня. Здесь находились и медперсонал, и охрана, и даже Чжоу Цзин, изначально жившая на втором этаже, переехала на третий, чтобы не мешать Чжоу Яню.

Линь Сяоян видел Чжоу Яня утром и был знаком с его состоянием, но Цзян Линь и Бай Чжичжи увидели его впервые. Если бы не то, что Чжоу Янь ещё мог сидеть, открывать глаза и говорить, они бы подумали, что это высохший труп или скелет.

Неизвестно, каким Чжоу Янь был раньше, но сейчас он совсем не был похож на мужчину чуть за тридцать. Он был измождён, кожа да кости, щёки впали, вокруг глаз чёрные круги, губы тёмные. От него исходила аура смерти.

Бай Чжичжи никогда не видел живого человека в таком состоянии. Когда Чжоу Янь посмотрел на него, он инстинктивно спрятался за Цзян Линя. Этот ужасный, нечеловеческий облик был даже страшнее скелетов, что он видел в книгах.

Заметив его реакцию, Цзян Линь шагнул вперёд, заслоняя его. «Не бойся», — успокоил он.

Бай Чжичжи пробормотал: «Я не боюсь».

Просто этот человек слишком уродлив, немного пугает.

Цзян Линь усмехнулся и не стал спорить. Он осмотрел комнату, затем перевёл взгляд обратно на Чжоу Яня. «Какие обследования он проходил?»

Люй Цинхэ, стоявшая неподалёку, быстро взяла историю болезни. «Все больничные записи здесь. С головы до ног обследовали всё, что можно».

Они не были суеверными. Когда Чжоу Янь впервые сказал, что кто-то за ним наблюдает, они не подумали о призраках, а решили, что это рабочий стресс. Потом, когда началась бессонница, они списывали её на тревожное расстройство из-за работы.

И проверили и внутренние органы, и хирургию, и неврологию. Даже анализ на наркотики сдавали — не подмешал ли кто. Ничего. Только когда состояние ухудшилось, они начали рассматривать сверхъестественные причины. Но и тогда не отказывались от медицинской помощи — иначе не держали бы здесь профессиональную бригаду врачей.

Цзян Линь сказал: «В вашем доме очень чисто, и в его теле тоже. Никакой привязавшейся инь-ци, никаких остаточных следов какой-либо сущности. Я также проверил ци и фэн-шуй дома, когда вошёл. Всё в порядке».

Люй Цинхэ не удержалась: «Так говорили и другие приглашённые мастера. Но как же он мог вдруг стать таким, если всё в порядке?»

Цзян Линь посмотрел на Чжоу Яня: «Вы упомянули, что видите кошмары каждый раз, когда засыпаете. Какие именно? Вы их помните?»

Чжоу Янь был слишком слаб, чтобы говорить громко, но он постарался: «Сны всякие странные — будто за мной гонятся чудовища, будто меня режут, привязывают и отрезают плоть кусок за куском. Некоторые не могу толком вспомнить. Но что я помню — я никогда не спасаюсь. Меня каждый раз ловят».

Цзян Линь спросил: «В каждом сне вы умирали?»

Чжоу Янь задумался, потом покачал головой: «Не знаю. Кажется, я всегда просыпался, сопротивляясь. Не знаю, умирал ли я в тех снах».

Но каждый раз, когда его преследовали — монстры, безликие убийцы — он бежал в отчаянном ужасе. Даже после пробуждения страх заставлял его дрожать.

Цзян Линь сказал: «У вас есть фамильные захоронения?»

Люй Цинхэ покачала головой: «Нет, только кладбище. Всех кремировали, прах захоронен. Мы и на кладбище приглашали мастера, он тоже ничего не нашёл».

Это было не частное, а общественное кладбище. Самое большее — выбрали место попримечнее да памятник поставили посолиднее. Вряд ли проблема с фэн-шуй могил.

Цзян Линь сказал: «Раз мы не можем определить причину, придётся подождать, пока вы заснёте, и посмотреть, что произойдёт».

Чжоу Янь уже чувствовал головокружение от сидения и разговора. Он горько усмехнулся: «Но я совсем не могу уснуть».

Он отчаянно хотел спать. Он был настолько измотан, что, казалось, стоило закрыть глаза — и он провалится в сон. Но сон не приходил. Как бы ни устало тело, разум оставался гиперактивным. Раньше он ещё мог терпеть, а теперь каждую секунду хотелось разбить голову.

Цзян Линь сказал: «Не волнуйтесь, я помогу вам уснуть. Сначала поешьте и отдохните. Поговорим позже, когда стемнеет».

Они не оставались в комнате надолго. Цзян Линь повёл Линь Сяояна и Бай Чжичжи вниз. Люй Цинхэ быстро распорядилась подать еду и напитки.

Линь Сяоян с любопытством спросил: «Брат Цзян, что с ним такое?»

Цзян Линь покачал головой: «Не знаю. Пока не могу сказать. Позже попробуем кое-что».

Прислуга принесла свежее испечённую выпечку — мягкие пирожные и хрустящее печенье. Тёплый аромат наполнил комнату сладким, восхитительным запахом.

Бай Чжичжи слегка принюхался. Сладкий запах был куда приятнее того рыбного зловония наверху.

<http://bllate.org/book/17958/1724823>